

Две аудиенции

Признание высшей властью России чехословацкого освободительного движения началось в 1914 году с визита чехословацких представителей к императору Николаю II

В начале августа 1914 года Германия и Австро-Венгрия объявили войну России. Петербургские чехи вышли на улицы и демонстрировали свою лояльность России и Сербии, требовали освободить славян от господства Габсбургов.

После них выступили члены московской чешской общины и заявили о своем желании принять российское подданство и создать чешскую воинскую часть в составе российской армии.

Девятого августа 1914 года в Киеве около трех тысяч чехов Юго-Западного края провели большую манифестацию против Австро-Венгрии и выступили с инициативами военного сопротивления Австро-Венгрии.

Через три дня Кабинет министров одобрил инициативу чешских организаций о создании воинской части из чешских добровольцев. Возникла необходимость рассмотреть чешские инициативы на Высочайшем уровне. Царем Николаем II были проведены две аудиенции с чешскими представителями.

Первая аудиенция

20 августа 1914 года царь Николай II принял в Кремле трех представителей московской чешской колонии: С. Коничека, Л. Тучека и А. Грабета. Они вручили царю петицию, в которой излагалось стремление чехов вступить в вооруженную борьбу за освобождение страны от власти Габсбургов. В заключительной части ее было сказано: «Пусть засияет чешская корона св. Вацлава в лучах короны Романовых».

Это было оглашение идеи пригласить на Град королем представителя славянской династии. Так составители петиции могли говорить потому, что Император и Король Австро-Венгрии Франц Иосиф I, царствовавший с 1848 года на протяжении 65 лет, в Праге не короновался, как делали традиционно его предшественники. Ему приписывали выражение: «Я скорее буду дворником у Гогенцолернов, чем королем у чехов». Пражский королевский трон и корона св. Вацлава формально считались свободными.

Царь Николай II на этой встрече одобрил предложение о формировании воинской части из чешских добровольцев. Так в самом начале войны был сделан первый шаг к официальному признанию чешского освободительного движения на высшем уровне власти в России. Это событие было отражено в российской печати и на основании этого зафиксировано австрийской полицией, а участников записали в Вене в реестр предателей. Позже эту встречу называли «первой аудиенцией чехов у царя». Но это была встреча только с московскими чехами. Вскоре провели более представительную встречу.

Вторая аудиенция

Через две недели состоялась вторая встреча. Она не освещалась в прессе, оставаясь известной только узкому кругу лиц. Австрийская полиция о ней не знала. Только после войны, в Чехословацкой Республике в 1921 году 20 апреля «Прага-

Авторы меморандума в Петрограде. Сидят: С. Коничек, Ф. Паул, О. Червены, Й. Гампл, Ф. Дедина, стоят: Й. Гейк, Б. Чермак, Й. Оршаг, Й. Клецанда, Л. Тучек, В. Громадка

Hyák Koníček Černák Paul Grzábek Červený Klecanda Tuček Hampl Hromádka Dědina.

Пресс» и 13 июля «Светозор» впервые написали о второй аудиенции у царя как о давнем событии без упоминания важных исторических подробностей.

В год десятилетия этого события редакция газеты «Народные листы» предложила одному из участников аудиенции Отакару Червены, уже жившему в то время на родине, описать подробно это событие. Так 13 сентября 1924 года появилась статья «Второе слушание чехословаков у царя Николая II». Это событие до настоящего времени остается мало известным и поэтому заслуживает внимания читателей.

Отакар Червены отмечал, что ко дню десятилетия аудиенции ее петроградский участник Йиржи Клецанда умер в 1918 году в Сибири, о Сватоплуке Коничке он ничего не знает (его в Чехословакии в то время не было — Авт.). Остались Йозеф Оршаг, нынешний комендант города Братиславы, и он — Отакар Червены. События излагал так.

25 августа 1914 года Червены получил телеграмму от секретаря Московского чешского комитета Ф. Дисмаса о том, что 28 августа бывший первый российский консул в Праге В. Г. Жуковский ожидает в Петрограде представителей чехов для выработки меморандума о будущем чехословацких земель и народа.

От Киева нужно прислать двух делегатов. Й. Йиндржишек срочно собрал Киевский чешский комитет. Приняли решение — послать в Петроград заводчика Франтишека Дедину и доктора Вацлава Вондрака, который был в это время на Волини. Потом, когда собрались девять членов комитета, то решили третьим послать Отакара Червены. Делегаты были предупреждены, что расходы, связанные с поездкой, им придется взвать на свой счет.

В половине восьмого вечера они с Ф. Дединой выехали в Петроград. Вагоны были переполнены, только ночью перешли в международный вагон, дали две телеграммы петроградскому председателю чешского комитета Б. Чермаку. В пути обсуждали меморандум, написанный Дединой. В Петрограде узнали, что Вондрак приехать не может, вместо него Й. Йиндржишек делегировал инженера Ф. Паула, который приехал в Петроград на сутки позже.

В Петрограде на первой встрече представителей четырех городов России присутствовали одиннадцать делегатов: Б. Чермак и Й. Клецанда от Петрограда; Л. Тучек и С. Коничек от Москвы; О. Червены, Ф. Дедина и Ф. Паул от Киева; Й. Гейк, В. Громадка, Й. Гампл и Й. Оршаг от Варшавы.

Чермак предупредил их, что нужно получить разрешение министерства внутренних дел на собрания, иначе будет преследовать полиция. По предложению Чермака председателем избрали Отакара Червены, заместителем Ф. Паула, а секретарем Ф. Дедину.

Собравшееся общество они назвали «Рада чехов в России». Устав составили

Участники аудиенции: Й. Оршаг, Й. Клецанда, О. Червены и С. Коничек

I. M. Országh za Varšavu. Jiří Klecanda za Petrohrad. Otakar Červený za Kyjev a s. z. kraj. Sv. Koníček za Moskvu.

краткий — пять абзацев. На следующий день его подали заместителю министра внутренних дел генералу Джунковскому, который на нем сделал надпись синим карандашом, а в свой большой блокнот записал: «Это будет подтверждено» — и отпустил их.

Подготовительный комитет под руководством О. Червены и при опеке дипломата В. Г. Жуковского работал над проектом меморандума российских чехов царю, предложенным молодым библиографом Российской Академии наук Й. Клецандой. Вариант, написанный фабрикантом Ф. Дединой, был после обсуждения отклонен. Готовый для подачи царю текст меморандума надо было согласовать с министром Иностранных дел С. Д. Сазоновым и дать экземпляр Министерству Императорского Двора.

Поэтому 1 сентября делегаты посетили руководителя канцелярии Министерства иностранных дел барона Шиллинга с просьбой, чтобы министр С. Д. Сазонов дал аудиенцию. В тот же день в 14 часов О. Червеному сообщили, что звонил министр С. Д. Сазонов и сказал, что завтра их примет. В 16.00 курьер принес в гостиницу «Европа» письмо с надписью «Спешно» такого содержания: «Чинovníк по особым поручениям МИД свидетельствует свое почтение В. О. Червеному и имеет честь уведомить, что министр примет его с депутацией завтра, 2 (15) сентября в 15 часов 15 минут. Форма одежды — сюртук».

Отакар Червены писал:

На следующий день, 2 сентября, были мы в 15.00 в МИДе и точно в 15.15 вступили в большой приемный салон министра С. Д. Сазонова. Он весьма любезно нас принял. Изложили ему нашу просьбу, о том, чтобы попросил у царя аудиенцию для шестнадцати членов депутации, которые изложат ему, что мы добиваемся самостоятельности нашего государства, соединенных земель Чехии, Моравии, Силезии и Словакии. С. Д. Сазонов поговорил

с каждым из одиннадцати членов делегации. Я доложил о высказывании Франца Иосифа, что он скорее будет дворником Гогенцолернов, чем чешским королем.

Аудиенция у Сазонова длилась почти три четверти часа, потом секретарь открыл двери и сказал: «Представитель Соединенных Штатов». А С. Д. Сазонов ответил: «Прошу немного подождать». Относительно аудиенции сказал, что нам ее гарантировать не может. Это зависит от царя, будет ли Его Величество желать уделить ее нам, но что еще сегодня он будет у Государя и что результат мы узнаем завтра у руководителя канцелярии барона Шиллинга.

Ожидали, что аудиенцию нам разрешат не сразу, что мы сейчас разведемся, а к установленной дате те, кого пригласят, приедут в Петроград. На другой день мы к 10.00 прибыли к барону Шиллингу. Он нам сказал: «Государь ныне аудиенций не дает, но для чехов сделает исключение. Аудиенцию разрешит, но не так, как вы хотели, для 16 делегатов, а по одному от четырех главных городов. Назовите мне имена четырех человек, которые будут вашими представителями». Я ответил барону Шиллингу, что мы такого мандата не имеем, а должны вернуться по своим домам, где члены депутации будут избраны. Барон Шиллинг сказал, что время не терпит, нужно сделать это сейчас и представить, кого хотим. Обращается ко мне и говорит: «Вы как председатель Рады чехов в России, разумеется, само собой, будете здесь представлять и Киев».

От Петрограда был записан Й. Клецанда, от Москвы — С. Коничек. Л. Тучек заметил, что последний был уже принят царем в Москве, а здесь должен быть кто-то другой, но С. Коничек остался. Четвертым от Варшавы был записан словак Й. М. Оршаг. Барон Шиллинг попросил, чтобы мы до 20.00 принесли ему наш меморандум к царю, который пожелало видеть Министерство Императорского двора. В тот же

С. Д. Сазонов в своем кабинете. Фото. 1912

Консул В. Г. Жуковский

день министр С. Д. Сазонов прислал всем делегатам в гостиницу свои визитные карточки. Надо было до 20.00 отослать барону Шиллингу текст речи, которая должна была быть произнесена перед царем, но соавторы при обсуждении не приходили к единогласию.

Червены писал: «Я смотрел на карманные часы, лежавшие предо мной на столе, четырежды напоминал, что время идет, и, наконец, сказал: „Господа, время истекает, осталось полчаса, можем потерять аудиенцию!“. Л. Тучек настоятельно потребовал: „Но те слова о короне св. Вацлава мы, москвичи, хотим сохранить“. Они в речи остались».

На следующий день после обеда в гостиницу «Европа», где они жили, курьер принес пакет от «Церемониальной части Императорского Двора», адресованный Председателю Совета Чехов Вячеславу Отакару Червены. В него была вложена карточка с напечатанным текстом:

Его Императорскому Величеству благоугодно было всемилостивейше разрешить Вам, милостивейший государь, представиться в четверг 4-го сентября 1914 года в 12 часов дня в Царско-сельском Дворце, о чем Церемониальная Часть Императорского Двора имеет честь уведомить. Выезд в Царское Село поездом Царскосельской железной дороги, отходящим из Петрограда в 11 часов утра. Придворные экипажи высылаются к прибытию поезда.

Четвертого сентября в Царском Селе в первой большой прихожей Александровского дворца после того, как участники аудиенции сняли пальто, их принял полковник Собственного Его Величества Конвоя Ресин. Он поговорил с ними кратко и отошел. Возле открытой двери из прихожей в первый зал стоял привратник — молодой, стройный юноша в белых чулках, коротких брюках, пиджаке малинового цвета, в таком же берет с кружевным ободком и тремя страусовыми перьями (белым, черным и оранжевым — цвета царского дома).

Через какое-то время полковник сказал им: «Идите за мной по одному». Плотный

ковер глушил шаги. Они прошли первый квадратный зал, за ним второй, длинный, в котором возле стены располагалась наклонная площадка для езды на велосипеде царских детей. Здесь стоял рядовой солдат в шинели, полностью вооруженный и неподвижный, как неживой. Повернув налево, они прошли в помещение, соединенное с ним дверью, ведущей в квадратный третий зал, в середине которого стоял неподвижный слуга. В конце соединяющего помещения сопровождающий перед закрытой дверью остановил их. У двери на мягком табуриете сидел какой-то закавказец в пестром тюрбане, а на противоположной стороне — другой. Провожатый, открывая дверь, промолвил: «Входите, господа. В этом помещении государь принимает», — и опять закрыл дверь. В этом длинном зале стоял большой бильярдный стол, на котором были разложены две карты Австро-Венгрии. Два огромных окна, шире двух метров, освещали его, слева были открытые двери, ведущие в следующий зал, а на противоположной от двери стене висел большой портрет покойного царя Александра III. Проводник указал направо на маленькие, узкие, покрытые обивкой двери и сказал, что Государь войдет через эти двери, следует стать против них или у бильярда напротив окон.

Червены записал: «Мы стали, прислонившись к бильярду. Оршаг и Коничек, оба высокого роста стали по краям, а Клецанда со мной, оба низкие, посредине. Через малые двери пошел полковник Ресин и спросил: „Кто из вас будет читать меморандум?“. „Я“, — ответил я. „Тогда Вы должны стать крайним“. Мы перестроились в таком порядке: Червены, Коничек, Клецанда, Оршаг. Полковник вышел, а через две минуты вошел царь Николай II, а за ним полковник Ресин, который остановился в двух шагах от двери. Царь стал между двумя окнами на шаг от стены. Одет был просто: высокие сапоги, широкие брюки, в тужурке, без орденов. Мы глубоко поклонились. Й. Клецанда держал в руках меморандум в папке из белой кожи. Я читал обращение. Мне удалось быть спокойным, к удивлению моих друзей. Смотрел в текст, поэтому не мог наблюдать царя».

В обращении говорилось:

Ваше Императорское Величество, в исторические дни переживаемой нами борьбы между Германством и Славянством, делегаты Чешских обществ Петрограда, Москвы, Киева и Варшавы как представители российских чехов и словаков обращаются к Вашему Императорскому Величеству как Августейшему защитнику всего Славянства, с настоящей памятной запиской. Теперь, когда лучшие люди чешского народа в Австрии или арестованы, или каким другим способом принуждены молчать, когда десятиллионный чехословацкий народ, всегда питавший горячую любовь ко всему славянству и великой России в особенности, лишен возможности высказать свои заветные мечты, те-

перь мы осмеливаемся поднести Вашему Императорскому Величеству эту записку с покорнейшей просьбой обратить Ваше Августейшее внимание на те страдания, которые чехословацкий народ переживает уже несколько столетий во всех видах культурной и материальной жизни. Подготовительная работа последнего времени, проведенная во всех политических партиях, дает нам моральное право утверждать, что осуществление чаяний, приведенных в нашей записке, глубоко обрадовало бы весь чехословацкий народ, что освобождение от жестокого немецкого и венгерского ига подняло бы дух десяти миллионов человек, способных и желающих работать на пользу не только своего народа, но и Славянства вообще, и желающих идти с ним и с великой Россией всегда рука об руку.

Молим Бога, Государь, чтобы Он помог Вашим доблестным войскам довести до конца, начатые с Вашей воли дела освобождения и единения Славян.

У нас, чехов, одна мечта, которую наши представители имели уже счастье высказать Вашему Величеству в Москве. Эти наши желания мы повторяем вновь:

«Да воссияет свободная и независимая корона Святого Вацлава в лучах короны Романовых. Да хранит Вас, Государь, и вашу Августейшую семью Господь Бог. Многие лета!»

Совет чехов в России: от Петрограда — Б. О. Чермак, Й. И. Клецанда; от Москвы — Л. В. Тучек, Св. Коничек; от Варшавы — Й. М. Оршаг, В. Громадко, Й. Гампл; от Киева — председатель В. О. Червены, Ф. Ф. Паул, Ф. Ф. Дедина.

Петроград, 4 сентября 1914 года

Царь прислушивался, особенно к месту о «желающих идти с ним и с великой Россией всегда рука об руку», со склоненной головой, посмотрел на всех четырех внимательно. Отошел на шесть шагов. Когда О. Червены окончил читать и низко поклонился ему, то царь подошел, подал руку и спросил «Вы уже давно здесь?» Тот ответил царю, подавая ему прочитанную записку: «Да, Ваше Величество, мы здесь несколько дней, совещались и писали записку. Разрешите представить Вам, Ваше Величество, членов делегации: С. Коничек, который представлялся Вам в Москве». «Помню, очень хорошо помню», — ответил царь, подавая ему руку. «Депутат от Петрограда Й. Клецанда», — сказал О. Червены и показал на него. Тот подал царю папку с меморандумом. Царь принял папку, подал Клецанду правую руку и спросил: «Что это Вы мне подаете?». Й. Клецанда не ответил, была пауза. Ответил за него О. Червены: «Это та записка, Ваше Величество, на семи или восьми страницах, о нашей политической, культурной и хозяйственной жизни в течение нескольких столетий».

«Все понятно, — начал царь. — Все это хорошо. Вы — русские чехи, а что скажут

ваши земляки за границей, в Чехии?». Тут слово взял Й. Клецанда: «Разрешите, Ваше Величество, я дам объяснение. Приехал я из Праги, где был на совещании Чешской Народной Рады. Там обсуждался этот вопрос и сошлись на том, чтобы была выслана к Вашему Величеству депутация, чтобы искать защиту у Вас. Профессор Крамарж должен был выехать в Россию, но его в дороге арестовали, и что с ним будет, не знаю». Царь с большим вниманием слушал Клецанду и спросил: «А как могли на собрании так откровенно говорить?» — «Ваше Величество, собрание было секретное». «Теперь понимаю», — и царь посмотрел на Оршага. О. Червены его представил: «Депутат от Варшавы Оршага, словак из Венгрии», — ударяя на последних двух словах. Царь подал Оршагу руку, спросил его: «Как Вам живется в Венгрии?» — «Ваше Величество, очень плохо, запрещено говорить по-словацки. Я сам учился за границей, в Софии и Бухаресте. Когда приезжаю домой, сердце обливается кровью. Сейчас в Словакии спокойно, но еще одно поколение — и нас, словаков, не останется», — ответил Й. Оршага.

Царь расспрашивал его дальше: «А вы, словаки, согласны соединиться с чехами?» «Да, Ваше Величество, согласны соединиться». «Так укажите мне на карте, где Ваша граница с чехами», — и царь подошел к бильярдному столу, где были разложены карты Австро-Венгрии. Оршага и Клецанда, стоя справа, показали ему словацкие «кострова» и районы, этнографические границы на государственной границе с Германией.

Царя интересовали всякие подробности, он обвел рукой вокруг указанного Й. Оршагом места Словакии, указал города, где предположительно могла быть граница народности, и спросил, где будет граница с Австрией. Показывали острова и островки вблизи от Дуная. Царь склонился над картой, слушал внимательно, что ему говорили. Гости, казалось, забыли, что они у царя, и вдруг он спросил: «А чтобы вы еще хотели?» И О. Червены произнес: «Мы хотели бы Вену». Царь поднял голову от карты и посмотрел на него. «Да, Ваше Величество, в Вене живет свыше полумиллиона чехов, а если станет она нашей, то через год будет миллион», — продолжал О. Червены. «Как это понимать?» — удивился царь. Объяснили, что многие чехи записывались немцами. Царь опять обратился к словаку и уточнял: «Если бы было так, как вы хотите, то ваше

Александровский дворец. Парадный кабинет царя Николая II в Царском Селе.

государство граничило бы с Италией?». Й. Клецанда ответил: «Да, Ваше Величество, и имело бы с Россией границу длиной 25—30 верст». «Это бы было очень хорошо», — ответил царь. Наступила тишина. Царь отступил на свое прежнее место и произнес такие слова: «Благодарю вас, господа, за ваши сообщения, я надеюсь, что нам Бог поможет, и думаю, что желания ваши будут осуществлены».

Как только царь произнес эти слова, О. Червены подошел на два шага ближе и сказал: «Ваше Императорское Величество, примите нашу глубокую благодарность за Ваши милостивые слова, которые будут переданы с точностью нашим соотечественникам». Царь вторично пожал ему руку. Царь прощался с другими членами депутации, подавая руку. Полковник Ресин стоял все 40 минут аудиенции между царем и выходом. Теперь он открыл покрытые обивкой двери и скрылся за царем.

Когда депутация уходила, открылись эти потайные двери, и из-за них появилась голова царя. Он смотрел на уходящих так мило и радостно, но, заметив, что его видят, скрылся. Тут же вернулся полковник Ресин, помахивая правой рукой, сказал: «Поздравляю вас, господа! Теперь садитесь в ваши экипажи, которые отвезут вас в соседний дворец, где для вас приготовлен завтрак». Попросил у Й. Оршага подробную этнографическую карту Словакии, которую тот привез ему на следующий день. «Я здесь все подготавливаю, чтобы не было задержки. Спросите меня», — сказал полковник.

В соседнем дворце в небольшом уютном зале был накрыт стол на четыре персоны. Меню: печеные яблоки, бифштекс, пирож-

ное. Каждому пища на отдельной тарелке. Вино белое, красное и кофе. О. Червены произнес тотчас же тост.

Через четверть часа дворцовый экипаж отвез депутацию на вокзал. Только они сели в вагон, как поезд тронулся и доставил их в Петроград.

Едучи в поезде, вряд ли они задумывались над тем, что едут по первой в России железной дороге Петербург — Царское село, которую проектировал и построил в 1837 году их земляк Франтишек Антонин Герстнер — один из пионеров строительства железных дорог в Европе.

Это перевод и пересказ описания, сделанного Отакаром Червены 13 сентября 1924 года. Оно более обширное, чем публикации в «Прага-Пресс» и «Светозоре». Сохранен стиль изложения автора.

Спустя годы журналист Федор Коваржик писал в «Вестнике Центрального товарищества чехов и словаков из России» (№ 1, 1931 г.), что после аудиенции царь говорил обер-прокурору Святейшего Синода В. К. Саблеру: «Здесь было последнее время много депутатий, ни одна не произвела на меня такого впечатления, как чешская. Дай Бог помощь чехам и словакам». После этих слов царь подал В. К. Саблеру чешский меморандум, попросил его читать вслух, так как хотел еще раз прослушать. В его глазах появились слезы.

Александр и Дина Муратовы
Фото: архив авторов

В следующих номерах мы расскажем о жизненном пути одного из участников аудиенции Отакара Червены

